

УДК 800

Э. В. Рубанюк, кандидат филологических наук, доцент (БГТУ)

УПОТРЕБЛЕНИЕ НАЗВАНИЙ ПТИЦ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СОБЕСЕДНИКА К ОПРЕДЕЛЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье речь идет о том, что для успешной межкультурной коммуникации важно не только в совершенстве владеть иностранным языком, но и обладать исчерпывающей информацией, касающейся разницы в менталитете собеседников. На примере названий птиц иллюстрируется тот факт, что их употребление в составе идиоматических выражений может, во-первых, украсить речь говорящего, делая ее более образной, поэтичной, богатой и емкой; во-вторых, помочь сгладить негативный смысл. Возникновение у собеседника как положительных, так и отрицательных эмоций, о которых говорящий может даже не подозревать, как правило, преддетерминировано другой культурой собеседника и, соответственно, иной «картиной мира». На другое восприятие сказанного могут влиять многочисленные исторические и религиозные причины.

The article reads that for a successful intercultural communication it is not enough to have a strong command of a foreign language; one should have exhaustive information, concerning the difference in the interlocutor's mentality to avoid misunderstanding. The birds' names confirm the fact that in the idiomatic expressions they can make speech more expressive, poetic and informative; besides, they may neutralize the negative meaning. The positive or negative emotions that the interlocutors experience are usually predetermined by their cultural background and their different "picture of the world", as well as by numerous historical and religious reasons.

Введение. На сегодняшний день повсеместно неоспоримым признается тот факт, что для успешной межкультурной коммуникации важно не только в совершенстве владеть иностранным языком, но и обладать исчерпывающей информацией, касающейся разницы в менталитете собеседников.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы, во-первых, раскрыть стилистико-прагматический потенциал употребления в иноязычной речи названий птиц, а во-вторых, систематизировать факторы, учет которых помог бы предотвратить возможные отрицательные ассоциации у предполагаемого собеседника.

Принадлежность к иной культуре и, следовательно, обладание иной «картиной мира» может предопределять у собеседников возникновение разных ассоциаций и гипотетически приводить к непониманию.

Основная часть. В учебной литературе отмечается, например, что в Китае *карканье ворон* приносит несчастье, а *сороки* – счастье; в Греции несчастье приносит *сова* [1, с. 129], в России же эта птица является символом мудрости.

В немецком социуме, согласно лексикографическим источникам, *die Eule* 'сова', может в переносном значении характеризовать некрасивую или неприятную женщину, а в молодежном жаргоне – привлекательную девушку [2, с. 294]. Таких коннотаций в русском языке нет, и при недостаточном владении иностранным языком это слово может быть превратно истолковано. А фразеологизм, содержащий упоминание совы, буквально обозначает 'говорить о том, что всем уже доподлинно известно': „*Eulen nach Athen tragen*“.

Хотя общепризнанным эквивалентом перевода является: «*Ехать в Тулу со своим самоваром*».

Aust в русском социуме символизирует счастливое прибавление в семье, так как существует поверье, что именно эти птицы приносят младенцев в клюве. Такое же отношение к аистам существует и в немецкой культуре, что закрепилось в пословице: „*Der Storch bringt die Kinder*“. Более того, если шутя «*aust уцупнул женщину за ногу*», то этого достаточно для того, чтобы стать матерью: „*Der Storch hat sie ins Bein gebissen*“ [3, с. 1475].

В Сингапуре *aust* символизирует уже не рождение, а смерть младенца в детской кроватке [4, с. 21], поэтому очень важно знать, какую культуру Ваш собеседник представляет и, соответственно, какую коннотацию в ней может иметь наименование той или иной птицы.

К любимой женщине в русском языке принято обращаться, называя ее *голубушкой*, *голубкой*; при этом можно употреблять и производные глаголы: *голубить* – 'ласкать, миловать, нежить'; *голубиться* – 'ласкаться, миловаться, нежничать' [5, с. 158].

Ласточка тоже вызывает в России самые нежные чувства: это ласкательное, приветливое обращение к близкой женщине или ребенку. Это слово имеет уменьшительно-ласкательный суффикс, поэтому, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, это название птицы используется как ласковое обращение к дорогой женщине. В английском языке это слово не имеет ласкательной эмоционально-оценочной окраски (птица ассоциируется только с высокой скоростью полета [6, с. 149]), так как *ласточка* 'swallow' – это омоним глагола

glotать. В немецкой культуре ласточка *‘die Schwalbe’* – это только один из признаков прихода лета: *„Eine Schwalbe macht noch keinen Sommer“*. А смысл этого фразеологизма сводится к тому, что хорошие признаки еще не гарантируют окончательный успех [7].

По отношению к ребенку и взрослому, которого любят, в немецком социуме чаще, чем в русском используется ласковое слово *‘der Spatz’* ‘воробей’, которое признается синонимом слова *Liebling* ‘любимый’. Эквивалентом в русском языке является уменьшительно-ласкательная форма от названия этой же птицы – *воробушек*.

Женщина в русском социуме может поэтично сравниваться с лебедушкой. Лебединая шея – символ грациозности и красоты. А «лебединая верность» является эталоном красоты в человеческих отношениях. В разговорном варианте немецкого языка идеоматическое выражение: *„Du/Mein lieber S.“* (досл. ‘Ты / Мой дорогой лебедь!’) функционирует как междометие и используется как возглас удивления, раздражения, досады [7]. Незнание этих смысловых несоответствий может также привести к комичным ситуациям.

В английской языковой картине мира ласкательные нежные ассоциации по отношению к женщине связаны с другой птицей – *уткой*. Имя существительное *duck* ‘утка’ имеет именно такое переносное значение, как *голубушка*. Русское слово *утка* лишено таких коннотаций, даже наоборот, оно содержит довольно негативную окраску, ср.: *прожорлива как утка, ходить как утка* (переваливаться с ноги на ногу).

Несомненно, употребление правильных ласковых обращений может придать речи дружелюбную окраску и способствовать установлению доверительных отношений.

С другой стороны, негативные оценочные характеристики могут быть сглажены путем употребления метафорических высказываний: *каркать как ворона* ‘накликать беду’, *кудахтать как курица* ‘много шуметь не по существу’, *трещать как сорока* ‘много болтать’, *клевать как птичка* ‘мало кушать’, *быть дятлом* ‘«не догонять» смысл’ и т. д.

Характеризуя человека, который любит воровать блестящие вещи, в русском и немецком социуме упоминается *сорока-воровка* *‘die Elster’*, а нечистый на руку собеседник сравнивается в немецком языке не только с сорокой, но и с вороном: *wie ein Rabe stehlen/klauen* [7]. В русском языке ворона воспринимается в точности наоборот, так как *ворон считать* значит ‘ротозейничать’, т. е. вороном называют зевак и/или ротозеев. А глагол «*проворонить*» означает проморгать, потерять, но не украсть. Произ-

водный глагол *воронить* является синонимом *чернить* кого-либо, что-либо. Таким образом, сравнение человека с *вороном* в немецком и русском социумах зиждется на диаметрально противоположных качествах.

Смотреть коршуном обозначает ‘смотреть угрожающе, как хищник’. В немецком социуме сравнение человека с этой птицей свидетельствует еще и об его алчности: *„Der Geier – ein sehr habgieriger Mensch“* [7].

Упоминание названий птиц в некоторых фразеологических оборотах функционирует как так называемая табуистическая замена, например, *коршун* ‘*der Geier*’ или *кукушка* ‘*der Kuckuck*’ замещают упоминание черта: *„Weiß der Geier! Weiß der Kuckuck!“* – и служат для выражения проклятия: *„Der Kuckuck soll dich holen! Hol dich der Geier!“* [7].

В данной связи следует сделать следующую оговорку: «В глубине человеческой психики полярные сущности могут отождествляться или взаимозаменяться (жизнь и смерть, добро и зло, начало и конец, смех и плач и т. д.)». Амбивалентность символики привела с течением времени к тому, что осуждение обернулось восхвалением, а пожелание неудачи считаться условием успеха. Установившиеся языковые формулы проклятия или брани имеют конечной целью все-таки положительный результат (здоровье, плодородие) [8, с. 36].

Синица ‘*die Meise*’ в русском социуме ассоциируется с поговоркой: *«Лучше синица в руке, чем журавль в небе»*, т. е. упоминание названия этой птицы несет положительный смысл. Аналогичная поговорка в немецком языке также существует, но в ней упоминаются названия иных птиц: *„Besser den Spatz in der Hand als die Taube auf dem Dach“*. В немецком языке упоминание синицы несет отрицательный смысл, так как выражение: *„Du hast wohl eine Meise!“* (досл. ‘У тебя есть синица!’) – означает, что ‘у собеседника не все дома, т. е. он свихнулся’ [7].

Многие случаи употребления названий птиц в переносном значении в немецком языке нужно заучивать, так как им нет аналогов в русском языке. В письменном варианте немецкого языка, например, сравнение политика с *соколом* ‘*der Falke*’ свидетельствует о том, что он ведет себя очень жестко и непреклонно: *„Er geht im politischen Bereich sehr hart und rigoros gegen seine Gegner vor“* [7]. Болельщик, подсказывающий играющим в шахматы или карты, сравнивается с *чибуком* ‘*der Kiebitz*’ [2, с. 502].

Анализ словарных статей 65 названий птиц показал, что, во-первых, они содержат общепризнанные терминологические латинские эквиваленты: *der Pirol – Oriolus oriolus – иволга* – наряду с их эквивалентом перевода в другом языке.

Во-вторых, названия птиц, которые представляют Австралийский, Африканский континенты или Антарктиду, снабжаются достаточно подробным комментарием: „*Pinguin – ein großer Vogel, der in der Antarktis lebt und nicht fliegen, aber gut schwimmen kann*“ [7]. Но их названия редко фигурируют в немецком языке в словарных статьях в переносном значении и, как правило, не входят в состав фразеологических или идиоматических оборотов.

Пернатые, которые живут по соседству, могут довольно часто употребляться в переносном значении и быть компонентами большого количества фразеологических оборотов. Лидирующие позиции в немецком социуме занимает воробей: „*Das pfeifen die Spatzen von allen Dächern*“ (‘это уже известно каждому’), „*Besser den Spatz in der Hand als die Taube auf dem Dach*“ (‘лучше воробей в руке, чем голубь на крыше’). Аналогом в русском языке признана поговорка: «*Лучше синица в руке, чем журавль в небе*» и т. д.

Это наблюдение подтверждает общеизвестный постулат о том, что картина мира говорящего преддетерминирована в первую очередь явлениями действительности, которые его непосредственно окружают, что находит свое отражение в языке.

Заключение. В заключение необходимо отметить, что одни и те же исторические события могут приобретать особые детали в разных культурах. Наглядно это можно проиллюстрировать на примере последних часов жизни Христа. В русской культуре считается, что именно ласточка была той птичкой, которая кружила над головой Христа на Голгофе. В английской культуре колючку из тернового венца поднимавшегося на Голгофу Христа выхватила другая птица – малиновка ‘*robin*’ [6, с. 150], видимо, поэтому изображение этой птицы с красной грудкой (кровью Иисуса) стало неотъемлемой частью английских рождественских открыток.

Все вышеизложенное можно кратко подытожить следующим образом. Употребление назва-

ний птиц в составе идиоматических выражений может: во-первых, украсить речь говорящего, делая ее более образной, поэтичной, богатой и емкой; во-вторых, помочь созданию доверительных отношений; в-третьих, сгладить негативный смысл. Важно при этом не упускать из виду, что этот пласт лексики может способствовать возникновению у собеседника как положительных, так и отрицательных ассоциаций, о которых говорящий может даже и не подозревать, так как они преддетерминированы другой культурой собеседника и, соответственно, иной «картиной мира». Более того, на другое восприятие сказанного влияют многочисленные исторические и религиозные причины.

Литература

1. Eurolingua 2. Deutsch als Fremdsprache. – Berlin: Cornelsen-Verlag, 1997. – 239 s.
2. Лейн, К. Немецко-русский словарь / К. Лейн, Д. Г. Мальцева, А. Н. Зуев. – М.: Рус. яз., 1992. – 1040 с.
3. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. – 1816 s.
4. Knapp, K. Schwarz ist weiß, ja heißt nein / К. Knapp // Fremdgänge. Eine anthologische Fremdheitslehre für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache. – Bonn: Internationales. – S. 19–24.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / В. И. Даль; под ред. Л. В. Беловинского. – М.: ОЛМА-ПРЕСС: ПФ «Красный пролетарий», 2004. – 700 с.
6. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков культуры: вопросы теории и практики...: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 С.
7. EDV-Wörterbuch. Deutch-Russisch. – Mainz: GRIN verlag, 2011. – 88 p.
8. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Сущность и история языка: учеб пособие / Н. Б. Мечковская, Б. А. Плотников, А. Е. Супрун; под общ. ред. А. Е. Супруна. – 2-е изд. – Минск: Выш. шк., 1993. – 287 с.

Поступила 15.03.2013